

В. ВЕТОВ

ВЕСЕЛЫЕ ОХОТНИКИ

1931

государственное издательство

В. В Е Т О В

В - 392

ВЕСЕЛЫЕ ОХОТНИКИ

ДЛЯ ДЕТЕЙ
СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

●
Иллюстрации и обложка
выполнены студентами
Полиграфического института
в порядке
учебно-производственной
практики

КОЛЛЕКТОР
Детской и Педагогической книги
МООГИЗа

Москва, Тверская, 13. - Тел. 3-98-09, 3-86-44.

1931

МОСКВА
ЛЕНИНГРАД

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ОХОТНИК ВЕСЕЛЫЕ

154870

~~НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА~~

Д-41. Гиз № 40888
Ленинградский Областлит № 69388. Тираж 10.000—4 л. Заказ № 1877.
Государственная тип. имени Евг. Соколовой, Ленинград, пр. Кр. Командиров, 29.

645938 КХ-рег

Российская государственная
детская библиотека

Вместо предисловия

— Отчего вы не написали предисловия к своей книге? — спросил редактор, перелистывавший мою рукопись.

— А разве это так уже необходимо? — в свою очередь задал вопрос я.

— Разумеется, книжка без предисловия, это... как вам сказать... ну, все равно, что поросенок без хвостика. Словом, это куца вещь.

Я был в затруднении. Дело в том, что я лично никогда никаких предисловий не читал, потому что всегда прямо люблю подходить ближе к делу. Я откровенно высказал редактору эту мысль.

— Писать предисловия... О, это вовсе не трудно! Напишите несколько красивых слов о том, как следует понимать ваших героев, укажите, что ваши рассказы вымышлены... Скажите, наконец...

— Стойте! — перебил я редактора. — Приключения Боченкина и Хвоща не вымышлены, и все, что тут написано, все это действительно с ними было.

Редактор подмигнул мне и хихикнул.

— Рассказывайте сказки!... Кто же вам поверит, что ваши приключения — правда!

— А почему, собственно, им не быть правдой?

— Да потому уже, что это охотничьи рассказы.

— Что же, или нет правдивых охотников? А охотничьи рассказы и вранье, по-вашему, одно и то же?

— Будем откровенны... — перебил меня редактор. — Ведь вы же не можете поклясться, что все, что вы тут пишете про Боченкина и Хвоща, правда.

— Клянусь экстрактором моей централки Веблея и Скотта!

Редактор пожал плечами и с нескрываемой иронией посмотрел на меня. Странное дело: чем больше искренности вкладывал я в свои уверения относительно правдивости описанных здесь приключений, чем больше кипятился я, — тем тоньше улыбался редактор, давая мне этим понять, что я просто отчаянный остряк.

Когда после получасового бесплодного спора я вышел из кабинета редактора в соседнюю комнату, до меня донесся в открытую дверь редакторский голос:

— Ох, уж эти охотнички... Чорт их знает, что это за люди: сами ведь знают, что врут, а подите же!...

С минуту я колебался, вернуться ли мне в кабинет, или же оставить эти слова без последствия... В кабинет я не вернулся, однако решил, что умышленно не сделаю никакого предисловия к своей книге, прямо представив ее на суд читателя. Он сам должен решить, кто из нас прав: я или редактор.

АВТОР.

Бабушка

Чудо-юдо рыба кит
поперек моря лежит.

Ершов.

Я никак не ожидал, что судьбе будет угодно поселить меня в городишке Б. на целых семь лет. Никогда раньше я не слышал про существование этого городка, а между тем, как оказалось, здесь жили замечательные люди.

Скучно показалось мне здесь в первое время. Достопримечательность города — громадный городской пруд — был мною осмотрен в какой-нибудь час. На одной стороне пруда помещался весь город, расположенный наподобие веера. На другой стороне стоял старый дворец екатерининского времени, а при дворце — густой парк. Вода в пруду была зеленая, а дворец был белый и ветхий. Одна сторона пруда звалась «городской стороной», другая — «графской». Город одним концом упирался в деревню Упертовку, другим — в деревню Вязовку. Кругом же на десятки километров поля...

В остальном город как город: с аптекой, милицией, городскими банями, кино, собором и базарной площадью. Словом, он ничуть не отличался от тысячи других городишек, в которых проживают мудрые старики, никогда ничего не забывающие.

Итак, здорово скучно показалось мне, когда в одну весну капризная судьба загнала меня сюда.

Никого я тут не знал и, когда бывал свободным, уходил на графскую сторону, где и бродил по тенистой дорожке на берегу пруда. На этой дорожке днем никогда никто не бывал. Лишь вечером на ней происходило массовое гуляние местных граждан.

Было начало лета. Я совершал свою послеобеденную прогулку, наблюдая за двумя солнцами, из которых одно беспощадно светило с небес, а другое выглядывало из зеркальной поверхности пруда.

Зайдя за поворот, я остановился, удивленный непривычным для меня зрелищем: на дорожке стояло и

сидело пятнадцать-двадцать одетых и раздетых мужчин. Двое сидело на деревьях над самой водой. В руках у одних были наметки, другие имели ружья, третьи — удочки. Четвертые глубокомысленно грызли подсолнухи в стороне. Я подошел к последним и скромно осведомился о причине скопления народа.

— Бабушку вытащить хотят, — ответил мне, сплевывая шелуху, почтенный гражданин в калошах на босу ногу.

— Как же это ее в пруд угораздило?

— Как угораздило — это уже я не знаю, а вытащить не могут уж который год.

Мое удивление все возрастало.

— Чего же ради она каждый год в пруд бросается?.. Сумасшедшая она, что ли?

Гражданин в свою очередь с недоумением посмотрел на меня и спросил:

— А вы чьи сами будете?

— Московский...

— Московский? То-то вы и не знаете... Это бабушкой у нас рыбину прозывают.

— Какие же это рыбы? Щуки, что ли?

— Это не рыбы, а одна рыбина... можно сказать: карпия... Вот ее и ловят.

— Неужели во всем пруду одна единственная рыбина и есть?

— Зачем... карпий тут много, и крупные есть, но бабушка — одна... Уж очень огромная... буквальная. Вот, каждый и интересуется ее поймать... Старики рассказывают, ей больше сотни лет.

Я подошел к воде. Люди стояли, молча и с напряжением всматриваясь в ольховый куст, торчавший из воды. Я тоже принялся разглядывать куст, однако, ничего подозрительного не заметил в зеленой зацветшей воде.

— Под корягу, под корягу пошла... — слышался шопот в толпе.

Я взглянул на громадную гнилую корягу, конец ко-

торой торчал шагах в двадцати от берега... На одно мгновение из воды показался какой-то странный предмет... Это был чудовищных размеров спинной плавник карпия.

— Трах!.. — раздался в тот же миг оглушительный выстрел с верхушки дерева. Вода у коряги забурилась, и в ту же секунду два голых человека бултыхнулись в воду.

— Ушла! — кричал стрелявший. — Заплывай направо... гони ее обратно... Эй, вы, с наметками, куда претесь?... Да не туда... правее... Фу, дьяволы бестолковые, вылазьте обратно!..

— Нет, хитра бабушка, — говорили в толпе. — Ничего с нею не поделаешь, все равно не дастся...

— А почему вы бреднем не попробуете? — спросил у рыболовов.

— Да нешто здесь бреднем можно?... Кусты, коряги, колдобины... только сети повешь...

— Да ведь не все же время она у берега!

— Вы, гражданин, ничего здесь не знаете, а тоже вот советы даете. Тут люди эту бабку уже не первый год ловят... Стало быть пробовали уже всяким манером... Бабка у этого берега только раз в год бывает: икру мечет... С недельку тут околачивается, а потом уйдет, и тогда ищи ее по всему пруду, а пруд, сами видите, не маленький.

Я не стал спорить и умолк.

«Не настоящие это рыболовы и охотники, — думалось мне. — Как это они не могут застрелить из ружья громадную рыбу, которая совсем близко от берега мечет икру?... Или им неизвестен закон преломления световых лучей в воде?»

Когда-то один спец научил меня, что нужно целить не в самую рыбу, а ниже, и мне в свое время удавалось убивать таким образом довольно крупных щук. Я решил, что завтра же приду сюда с ружьем и в два счета покончу с бабушкой.

Столетняя карпия сильно заинтересовала меня.

Придя домой, я долго думал о ней, соображая, каким бы образом лучше всего справиться с этим чудовищем.

Фантазия моя работала. Городской пруд представлялся мне океаном, а старая бабушка — китом. И мне пришло в голову пустить в дело гарпун. Долго строгаю свою крепкую дубовую тросточку острым ножом и в конце-концов соорудил из нее нечто вроде гарпуна, заострив напильником ее железный наконечник, на котором мне удалось сделать острые зазубрины, как у гарпуна. Я придумал зарядить свое ружье уменьшенным холостым зарядом и вложить в ствол свой самодельный гарпун, привязав к нему длинную и толстую бечевку. Таким образом, выстрелив в карпию гарпуном, я смог бы без труда вытянуть ее на берег.

Вечером я делал опыты: стрелял из ружья легкими палками в цель. Опыты оказались удачными, и я лег спать в восторге от своей выдумки. Я восхищался собственной изобретательностью: мне казалось, что я придумал нечто очень оригинальное и остроумное и был уверен, что завтра же посрамлю всех местных охотников.

Будильник поднял меня с постели ровно в четыре часа утра. Наскоро закусив, я устремился к пруду, захватив с собой свое изобретение. Из охотников никого не было. Повидимому, сегодня я был первым.

Я подходил уже к знакомой коряге, как вдруг заметил неизвестного мне человека, который шел навстречу мне с противоположной стороны. Неизвестный не подходил на рыболова, так как у него не было ни наметки, ни ружья, ни даже удочки. В одной руке он нес старый чугунок, какие употребляют для варки пищи, в другой — большую корзинку, в которой, повидимому, находилось что-то тяжелое. Длинная жердь, конец которой он держал под мышкой, волочилась за ним по земле.

Мы поравнялись с незнакомцем против той самой коряги, где бабушка накануне метала икру. Я посто-

ронился, чтобы пропустить странного незнакомца, однако он неожиданно остановился и, подозрительно на меня покосившись, опустил свою ношу на землю. Некоторое время мы молча наблюдали друг за другом; неизвестный глядел на меня далеко не сочувственно.

«Какое мне, в конце концов, до него дело?» — подумал я и, подойдя к воде, принялся ровными зигзагами укладывать на земле длинную бечевку от своего гарпуна.

На палубе китоловных судов точно так же укладывают канат от гарпуна, заложенного в китобойную пушку.

Свободный конец бечевки я привязал к длинной палке на берегу. Покончив с бечевкой, я взглянул на воду: бабушки еще не было. Я перевел взгляд на незнакомца. Сидя на корточках, он вытаскивал из своей корзины довольно странные предметы. Из корзины прежде всего появился старый, ржавый электрический звонок с зелеными катушками, затем — изолированная проволока, батарея электрических элементов, обыкновенная толстая проволока, замазка и наконец большая круглая жестянка. Все это незнакомец бережно раскладывал на траве с чрезвычайной деловитостью.

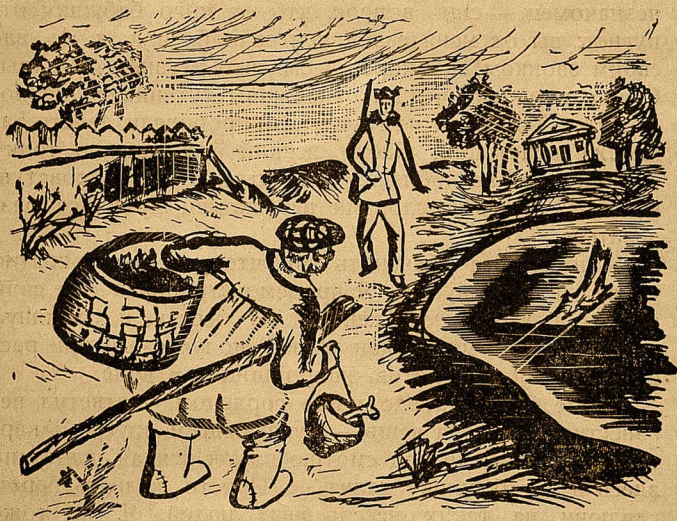
«Чего ради явился сюда этот человек?» — думал я, рассматривая своего соседа.

Он обладал одной из тех наружностей, которые надолго врезаются в память: небольшого роста, в синей рубахе, слегка кривоногий, с красным небритым лицом, светлорусыми волосами и длинным красным носом, на котором сидели очки, придававшие его фигуре серьезность и сосредоточенность. Непокколебимая уверенность, отражавшаяся на лице незнакомца, говорила о том, что этот человек пустяками заниматься не любит.

Незнакомец уложил на дно чугуна ржавый электрический звонок, откупорил большую жестянку и принялся всыпать ее содержимое в чугунок. Из жестянки

сыпался какой-то темный порошок. Я следил за ним с большим интересом и никак не мог понять его намерений. Опорожнив жестянку, он плотно прикрыл чугун массивной металлической крышкой, после чего несколько раз туго обкрутил всю штуку толстой проволокой. Теперь он плотно замазывал щели замазкой. Лишь два длинных густо просмоленных изолированных провода торчали из-под вымазанной и прикручен-

ной крышки чугуна. Все это было настолько загадочно и непонятно, что я наконец не выдержал и спросил:

- Что вы хотите делать, гражданин?
- То же самое, что и вы... — ответил незнакомец.
- Ничего подобного, я пришел сюда за бабушкой.
- И я за ней же!
- Но ведь не электрическим же звонком будете вы ее ловить?

— Очень просто, что электрическим, — ответил незнакомец, взглянув на меня поверх очков лукавым взглядом, в котором сквозило презрение.

Он отвернулся и, не обращая на меня внимания, принялся привязывать чугун к концу длинной жерди.

— Простите, гражданин, — обратился я к нему, — но если вы будете звонить под водой, то вы отпугнете от меня бабушку.

— Извиняюсь, гражданин, — сдержанно ответил мне незнакомец, — еще вопрос, кто от кого бабушку отпугнет: вы от меня своей централкой, или я от вас своим звонком!.. Скорее всего, что пуганете ее — вы! Скажу вам откровенно: ружьем вы тут ничего не поделаете. Тут люди не глупее вас пробовали делать такие же репетиции. Бабку всякий стреляет, но толку еще ни один не добился. Оставьте эту затею, советую вам. — И с этими словами незнакомец принялся раздеваться.

Я попытался объяснить ему, что уже неоднократно убивал щук из ружья. Я продемонстрировал ему свой гарпун и бечевку, уложенную на берегу, и упомянул про известный мне обман зрения, получаемый при рассмотрении предметов, находящихся в воде.

— Не будьте предо мною гордецом, — ответил неизвестный. — Одна вещь — щука, совсем другая — карпий. Уж который год смотрю я, как всякая шантрапа здесь в эту бабушку палит... Просто жалость берет, глядячи на таких несерьезных людей. Я сам тоже охотник и, хотите — верьте, хотите — нет, а против меня здесь ни один человек столько дичи не бьет... Но, чтобы в бабушку стрелять... простите за откровенность, а до такой серости я еще не доходил!..

— Но, позвольте, что же вы намерены делать со своим звонком?

— А это у меня, простите за откровенность, пугас.

— Пугас?.. — переспросил я.

— Ну да... обыкновенный пугас.

— Что же это за штука такая?

— Обыкновенная пугасная бомба. Я буду совершенно официально рвать бабушку электричеством... Вот вам кнопка... Вот вам алименты, вот чугунок, а в нем килограмм пороха... Как я кнопку нажму, — звонок затрещит, пустит искру, и бабушке капут!.. Поняли?

— Вы, что же, электротехник?

— Извиняюсь за выражение: нет.

Я был подавлен. Еще ни разу мне не приходилось видеть, чтобы электрический звонок мог найти такое применение... Повидимому, незнакомец был дельный и дошлый малый. Он обладал несомненным даром изобретательности. Во всяком случае я почувствовал к нему невольное уважение и понял, что изобретенный мною гарпун, пожалуй, уступает по своей оригинальности самодельному фугасу незнакомца.

— Смотрите же, — сказал я ему, — ежели ваш пугас осекнется, бабушку стрелять буду я, и она от меня не уйдет.

Незнакомец презрительно улыбнулся и любовно оглядел свое приспособление.

— Бабушка вам не достанется. Это уже официально: алименты в полном порядке.

Он разделся окончательно. С невозмутимым спокойствием занес он над водой длинную жердь с прикрепленным пугасом и тихо погрузил его в воду возле коряги. Покончив с этим делом, незнакомец скрутил козью ножку, поправил очки и уселся у самой воды, с серьезным глубокомыслием созерцая зеленую воду. В руках он держал кнопку с зелеными проводами. Я занял позицию, взобравшись на высокую ольху, торчавшую над самой водой.

Мы оба молчали. Чувствовалось, что мы — соперники.

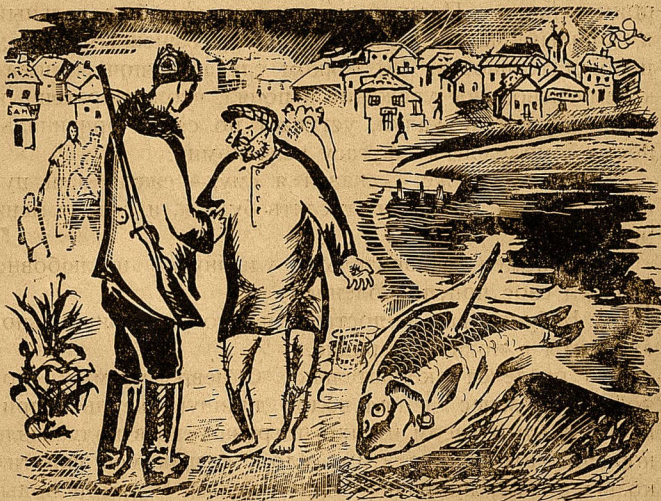
Завязывалась борьба. Чья выдумка окажется лучшей? Кто победит: гарпун, пугас или старая бабушка?

Мы просидели у воды в полном безмолвии с добрых полчаса, и каждый из нас думал про древнюю бабушку, столетие прожившую на дне старого пруда.

Внезапно возле ольхового куста в зеленой воде произошло движение. Незнакомец насторожился. Осторожно взял он конец длинной жерди и еле заметно начал подводить свой пугас к кусту.

И вот так же, как и вчера, над прудом показался кончик громадного спинного плавника, а под водой смутно наметилось громадное широкое тело древней рыбыны. С биением сердца навел я ствол ружья под

темную тень. В то же мгновение в водяной пучине раздался глухой негромкий удар, вода у куста на мгновение вздулась горбом, булькнули бесчисленные водяные пузыри.

В тот же миг незнакомец очутился в пруду. Он растерянно озибался, ища глазами бабушку. Громадная желтовато-белая полоса показалась на поверхности воды в трех шагах от него. Это было тигантское брюхо бабушки... Выдрой наскочил на нее незнакомец и цепко обхватил ее скользкое тело обеими руками.

— Попалась!!!

Торжествующий изобретатель с трудом приподнял свою добычу хвостом вверх и потащил ее к берегу. Не успел он, однако, ступить на сушу, как оглушенное чудовище внезапно ожило. С невероятной силой взмахнуло оно могучим бронзовым хвостом и, нанеся мощный удар в лицо человеку, вырвалось из его объятий, исчезая в зеленой пучине. Ослепленный электрик беспомощно взмахнул руками, падая в воду. Через мгновение он был уже на ногах.

— Где?... где?... — кричал в иступлении, протирая глаза.

А в это время с высокой ольхи приметил я тень уплывавшей карпии. Моя добрая централка скользнула мушкой под тень и я спустил курок...

Длинная бечевка, сложенная бухтой на берегу, свистя, разматывалась с молниеносной быстротой. 80 метров размоталось моментально, и через несколько секунд полетела в воду толстая палка, к которой была привязана бечевка от гарпуна... Гарпун достиг цели... Я тоже победил!..

Незнакомец судорожно вцепился руками в палку, и несущаяся под водой бабушка увлекла его в пруд.

— Бросьте!.. Оторвете бечевку!.. — крикнул я ему, скатываясь с дерева.

Через минуту незнакомец уже отфыркивался и отплевывался на берегу.

— За мной!.. — крикнул вдруг он и бросился бежать по направлению к городу. Его мозолистые босые ступни так и зашлепали по утрамбованной дорожке. Я еле поспевал за ним.

Ураганом влетели мы в город. Не мало удивились и перепугались торговки, завидя бегущего по базару мужчину, весь несложный костюм которого состоял лишь из пары очков на носу. Недалеко от базара, у берега, была привязана лодка. Не обращая внимания на перепуганных торговок, мы вскочили в лодку и помчались по пруду, отыскивая несущуюся по волнам

палку. Через полтора часа общими усилиями мы вытащили из воды вконец измученное чудовище.

В нем было более метра длины, и широченная спина его была покрыта мхом. Крупная, неровная чешуя отливала бронзой. Иные чешуйки были величиною с детскую ладонь. Возле спинного плавника заметили мы старые шрамы от дробы. В одной из жабр чудовища торчало золотое кольцо, покрытое илом и грязью.

Мы были взволнованы. Незнакомец крепко сжал мою руку и проговорил:

— Будем знакомы... Я — Семен Семеныч Боченкин, официальный охотник и любитель.

— Хвощ, — назвал я себя и, в свою очередь, крепко пожал ему руку.

— Не думал я, что вы такой специальный стрелок, — сказал он мне, улыбаясь.

— Меткость тут ни при чем, — отвечал я, — Все дело в том, чтобы понять оптический обман. Не надо целить в рыбу, а нужно целить ниже.

— Признаюсь вам, — заметил мне Семен Семенович, — я думал: просто вы гордец; теперь же вижу, что вы настоящий оптик! Забирайте вашу бабушку... И жирная же она!

— Ни в коем случае! — ответил я. — Пугас ваш преизошел все то, что я до сего времени видел. У вас правильный подход к бабушкам, и вы с успехом оглушили старуху. Прошу вас взять ее себе.

— И все-таки малость я ошибся: во-первых, дурака сваял, что поднял ее вверх хвостом, а, во-вторых, ежели бы вместо килограмма пороха я заложил полтора... поверьте, вам бы в бабушку не стрелять... Это уж официально!

— Охотно верю и потому отдаю ее вам!..

Мы долго спорили. Каждый уступал свою добычу другому. Кончилось тем, что мы порешили считать добычу общей и сообща уничтожить ее.

Уничтожение жареной и вареной бабушки сблизило нас окончательно. К ее уничтожению были при-

глашены кое-кто из друзей Семена Семеныча, которые тоже оказались охотниками. Мой новый друг познакомил меня за трапезой со многими интересными гражданами и, закусывая бабушкой, мы рассказали друг другу очень много интересного. Ели мы бабушку целых три дня, так как в ней оказалось двадцать пять килограммов.

На золотом кольце мы разобрали вытесненную надпись: «Посажена в 1787 году»... ¹

Старухе было за сто тридцать!

Кольцо мы пожертвовали в местный музей краеведения и оно, по всей вероятности, должно там находиться и по сие время.

Случай с бабушкой был отмечен в местной прессе. В газетке «Красный голос» появилась занятная статья: «Сто тридцать лет под водой». Там подробно описывалось все наше приключение и наши биографии.

Так погибла древняя прудовая бабушка, — но, погибая, она породила тесную дружбу между двумя страстными охотниками. Поймав бабушку, мы с Семеном Семеновичем поняли, что стоим друг друга. С тех пор мы пережили с ним не одну волнующе трепетную минуту.

¹ Лет тридцать тому назад в Царицынском пруду под Москвой была поймана громадная щука с золотым кольцом, на котором значилось: «Посадил царь Борис». Повидимому, щука была посажена Борисом Годуновым, а следовательно просуществовала в пруду около 300 лет.

Ловушка с тройной репетицией

И надобно ж беде случиться,
что около тех мест голодный рыскал волк.

Крылов.

Это происходило в 1919 году, так сказать на фоне гражданской войны. Вся РСФСР, в том числе и наш маленький городок сидели без дрожжей, без спичек, без дров и без сахара. Словом, все переживали продовольственный кризис. Впрочем и спички и сахар нам иногда в малом количестве выдавали по карточкам, а что касается дров — исполком распорядился отвести в городском лесу участок, в котором наши горожане сами себе рубили сырые осинки. Хоть с трудом, а все же граждане могли себе достать немножечко то того, то другого. Одной лишь вещи невозможно было достать, а именно — охотничьих припасов, а если некоторые охотники и выковыривали из патрона военной винтовки немного пороха, то за такие вещи их по головке не гладили.

— Владим Сергев, будем сознательны! Разрушать легче, нежели созидать. Не будем ковырять в военном патроне! — говорил мне Семен Семеныч, когда у меня явилось поползновение добыть себе немного пороха этим некрасивым путем.

— Семен Семеныч, больно уж наскучило жить без охоты. К тому же, зайцев кушать можно, а за лисью шкуру спекулянты дают либо мучицы, либо керосина.

— Правильно, Владим Сергев. Вы говорите официальные вещи, но ковырять в военном патроне — это серость с вашей стороны. Зайцев можно ловить пё-
тлями, а лисей — капканами.

— Но ведь у нас с вами нет капканов, Семен Семеныч!

— Неважно... Важно общественное развитие! Ужели мы сами с вами капкана не сделаем? Погодите, Владим Сергев, только снега побольше навалит, так и с лисами будем!

С этого дня мы занялись изготовлением капканов на лисиц, а снег тем временем все подваливал да подваливал. Когда же зима установилась окончательно, то под самым нашим городом появились волки. Я лично видел их следы на огородах близ самого города. Они постоянно шатались вокруг нашего городка, и некоторые наши горожане даже видели их. Слухи о проделках волков, как всегда, преувеличивались, и дело дошло до того, что многие из наших старожилов больше уже не решались по вечерам выходить за город, охотники же сидели без пороха.

Все это побудило нас с Семеном Семеновичем заняться и волчьим вопросом. Мой друг принялся совершенствовать лисьи капканы и в конце концов изобрел хитроумную ловушку тройного действия в тридцать килограммов весом. На устройство этой штуки пошли железные полозья из-под сломанных саней, старый ухват, кочерга и кусок ржавого кровельного железа. Местный кузнец Гаврила Комаров, по прозвищу «Бронзовый», помог нам в этом деле своим опытом, горном и наковальней. При его помощи мы сработали пружины дьявольской силы и две страшные зубастые скобы. Когда штука была совсем закончена, Семен Семеныч любовно оглядел ее и сказал:

— Ну и ловушка! Сработали на ять! Уж ежели серый ступит сюда ногой — крышка: не уйти ему ни-почем, потому вещь получилась тройного действия. Можно сказать, зверобойная штука с тройной репе-

тицией — она сразу и лапу зажмет, и по башке кочергой огреет, и бревном сверху задавит. Одно слово — зверобой, а не капкан.

Изобретение моего друга на самом деле имело самый жуткий вид. Все так было устроено и прилажено, что волку стоило лишь чуть коснуться лапой большой круглой пластины, чтобы она тотчас же соскочила с крючечка и повернулась на оси. При этом с треском распрямлялись сильные пружины, и две зазубренные скобы с зловещим щелканьем моментально захлопывались. Одновременно срывалась с крючечка и приходила в действие оттянутая на пружине кочерга, долженствующая с размаха стукнуть волка по морде. В тот же миг натягивалась веревочка, протянутая к тяжелому бревну. Срываясь с упора, бревно должно было превратить в лепешку попавшегося волка.

Все это было придумано не зря, ибо мы с Семеном Семенычем знали, что волки, попадающиеся в обыкновенные капканы, нередко отгрызают себе завязшую лапу и уходят на трех ногах. Изобретение моего друга исключало такую возможность. Оно действовало наверняка.

Семен Семеныч сиял, я тоже.

Целыми днями ходили мы по волчьим следам, стараясь определить их постоянные переходы. Через неделю мы выяснили, что волчья штаб-квартира находится в лесу, недалеко от деревни Болотовки. Отсюда они чуть не ежедневно ходили на добычу, почти всегда держась одного и того же маршрута через городской лес. Там в одном месте у них был постоянный переход, а именно — у опушки, где волки всякий раз выходили на свой старый след и некоторое время шли этим следом мимо корявой березы. При этом они шли друг за другом гуськом, след в след, и каждый раз аккуратно ступали лапами в свои прежние старые лунки, так что казалось, будто здесь проходил всего один волк вместо трех. Мы были осторожны и по возможности не подходили близко к волчьим следам, на-

блюдая их издали, чтобы у волков не закралось подозрения о их выслеживании.

Наконец, когда мы с точностью установили, где постоянный волчий ход, мы решили поставить на их след ловушку с тройной репетицией и выбрали для этого место под корявой березой, потому что здесь всего удобнее было скрыть тяжелое бревно.

Трудно было поставить ловушку с тройной репетицией! Это было адски кропотливое дело. Малейшее наше упущение могло испортить всю нашу затею. Скверно было то, что, ставя капкан, мы сами оставляли на снегу свои следы, а это должно было спугнуть умных зверей. Нам необходимо было уничтожить всякий намек на свое присутствие. Мы работали небольшими деревянными лопатками.

Под самой березой мы срезали большой квадратный кусок снега с отпечатком волчьей лапы. На его место был положен наш знаменитый капкан, после чего мы прикрыли его сверху тем же куском снега с лункой от волчьей лапы. Все шероховатости мы тщательно заглаживали и забросали снегом собственные следы. Мы работали, как артисты. Веревочка от бревна была прекрасно замаскирована, и как будто все говорило за то, что успех будет полный.

Совсем недалеко от этого места мы обнаружили постоянный лисий переход. На нем поставили обыкновенный лисий капкан с якорями и соблюли при этом те же меры предосторожности.

Свои работы мы производили по вечерам, с большой скрытностью, после того как горожане уезжали из леса. Обидно было бы, если бы кто-нибудь из горожан, пилящих дрова, ранее нас воспользовался попавшимся зверем.

Поставив ловушки на лису и на волка, мы вернулись домой полные самых радужных надежд. С того времени мы каждый день втихомолку отправлялись в лес проверять капканы.

Дня через два, идя по лисьему следу, мы заметили,

что лиса вышла на свой обычный переход и направилась прямо по направлению к капкану. Обрадованные, мы поспешили туда. Каково же было наше разочарование, когда мы вдруг увидали, что в капкан никто не попался. По следам мы прочли как по книге о том, что здесь произошло: лиса учуяла что-то неладное. Ей оставалось сделать всего лишь один шаг, чтобы ступить ногой в замаскированный капкан, но она вдруг сделала громадный скачок в сторону и, как видно, полным ходом удрала от опасного места.

— Ну и нос у лисы! — удивлялся Семен Семеныч. — И мы с вами тоже хороши: нехватило у нас соображения, что от ловушки человеческим духом несет. Эх, Владим Сергев, надо было и ловушку и свои руки хвоей натереть, чтобы человеческий дух отшибить...

Всю работу пришлось переделывать сначала. Теперь перед тем, как поставить ловушку, мы предварительно натерли свою обувь свежим конским навозом, а капканы и даже свои собственные руки мы натерли перед работой хвоей.

* * *

На следующий день мы вечером отправились в лес. У нас было ружье, заряженное единственным оставшимся у нас зарядом бекасинника. Ружье мы брали с собой «на всякий случай».

Ночью выпал снежок. Он чуть посыпал сверху кусты и деревья. Нарядные, неподвижные, они встретили нас таинственным молчанием. Городские пыльщики давно уже вернулись в город.

Темнело. Мягко легли синие вечерние тени. Лес хранил свою тайну. Что готовил он нам на сегодня?

Мы вышли к лисьему переходу.

Ура! Нам везло: свеженький след лисички четко отпечатался на снегу. Ровной аккуратной цепочкой уходил он в кусты.

— Ну, Владим Сергев, теперь дело в шляпе, — уверенно сказал Семен Семеныч. — Можно сказать — на муку заработали.

Мы бросились в чащу.

— Попалась! — радостно крикнул мой друг.

За кустом металась попавшаяся красная лисичка. При виде нас она забилась еще сильнее, пытаясь выдернуть из капкана свою черную переднюю лапку. Злыми глазами, полными ненависти, сверкнула она на нас.

— Не стреляйте, Владим Сергев, берегите заряд! Дайте я зверушку поленом огрею!

Семен Семеныч с сердцем размахнулся, и красная лисанька кончила свое воровское существование.

— С полем, Семен Семеныч!

— С полем, Владим Сергев!.. Вот вам и мучица, вот вам и керосинчик! Ну не прав ли я был, что в военных патронах нет надобности?

Мы высвободили лисичку и гладили ее теплую мягкую шубку, испытывая большое удовлетворение. Не легко она нам далась.

— Посмотрим теперь, как обстоит дело насчет волков. Больно долго волки не выходили к своему переходу... Давно бы и им пора!

Старый волчий переход был в стороне, а потому мы напрямки пошли прямо к корявой березе, под которой так зловеще притаилась наша адская ловушка с тройной репетицией. Мы шли бодрые и веселые, рассуждая о своей удаче. Вот показалась корявая береза... — и я остановился, как вкопанный: под березой лежала какая-то темная, неопределенная масса.

— Глядите, Семен Семеныч!.. Волк!

— Факт, что волк!.. Стойте, Владим Сергев, волк... но только вроде как кенгуровый!..

Действительно в ловушку попался волк странной масти. мех его казался невероятно пушистым. Наступившие сумерки мешали хорошенько его рассмотреть.

— Семен Семеныч, что-то не похоже на волка...

— Кто же тогда?.. Не медведь же!.. У нас они не водятся... Владим Сергев, не подходите! А ну, как он еще живой? Дайте сюда ружье. Для проверки недурно вдарить по зверю бекасинником. Хоть бекасинник и не убьет зверя, а все-таки после выстрела тварь должна себя показать: жива она или подохла.

До березы было не более тридцати пяти шагов. Семен Семеныч приложился и выпалил бекасинником по странному волку.

То, что случилось дальше, мы никак не могли ожидать. В ответ на выстрел из-под березы раздался самый настоящий бабий голос — громкий и пронзительный.

— Караул!.. Убили, ох убили, окаянные! Караул!!!

— Владим Сергев, что ж это за репетиция?.. Так в жизни не бывает, — пролепетал Семен Семеныч, изменившись в лице.

— Семен Семеныч, пора бы привыкнуть, что в жизни

все бывает! На вашу тройную репетицию вместо волка, увы, напоролась форменная баба... Счастье, что она еще жива!

Мы бросились к корявой березе. На снегу лежала, придавленная бревном, знакомая нам вдова Чистозвонова... Одна нога ее была зажата в капкан. Мы тот-

час же принялись освобождать ее из тисков адской ловушки.

Вдова стонала, прерывая свои стоны невероятной руганью.

— Уу, разбойники, душегубы! Так вот вам для чего свободу дали — убивать до полусмерти беззащитных вдов?! Ох, не могу: все мои кости трещат! Ах, паскудники! Бессовестные истязатели... Где совесть у вас?

— Извиняюсь, гражданка, мы думали — волк...

— Мало вам издеваться надо мной?! Я честная женщина, а не какая-нибудь паршивая тварь, чтобы в меня из ружей палить!

— Гражданка, надо быть сознательней... Ну зачем вы в волчий капкан полезли?... Кто вас об этом просил?... Чего же вы молчали, когда мы к вам подходили?

— Это я-то молчала?... Я два часа криком кричала!.. Разум уж начала терять... Кричу, кричу, умоляю — на помощь никто не идет... Из сил выбилась, и уж у меня для крика дыхания нехватает... Ослабела... Ой, не трогайте плеча!

Мы окончательно высвободили вдову и посадили ее на снег. Положение ее было действительно незавидное. Повидимому, сорвавшись с упора, бревно сломало ей ключицу. Кочерга украсила лоб здоровеннейшей шишкой чуть не с кулак величиною. Спасибо, вдовья голова была укутана толстым теплым платком. Он до некоторой степени защитил ее череп. На ноге была содрана кожа. Заряд бекасинника тоже наделал бед: вдова могла теперь сидеть только боком...

Из ее отрывочных объяснений мы поняли, что она на лошади приехала в лес пилить дрова. Вдова не захотела удовлетвориться сырыми осинами. Она пожадничала и попыталась срубить единственную корявую березу, которая была в этой части леса, а так как эта береза росла за границей отведенной делянки, то вдова решила действовать потихоньку и без свидете-

лей. Она дожидалась, пока все пыльщики уедут из леса. Вот почему никто не пришел на ее крики о помощи. Вдовья жадность была жестоко наказана.

Мы отыскали лошадь и бережно уложили вдову в розвальни.

Несмотря на всю нашу корректность, несмотря на наши заботы и ухаживания, вдова не унималась и никак не могла примириться с нами. Она объявила, что будет на нас жаловаться и доведет дело до трибунала.

— Гм!... Кляузное дело получается... Как же нам теперь быть?

— Владим Сергев, я думаю придется ей эту лисью шкуру подарить. Авось после этого вдова маленько поостынет...

И Семен Семеныч уныло посмотрел на лису.

— АИИИИ

Дирижабль Семен Семеныча

Шуми, шуми послушное ветрило,
волнуйся подо мной, угрюмый океан...
Пушкин.

ГЛАВА I

Из-под древней плотины нашего старого городского пруда вытекает мелкая, крохотная речка Уперта. По мелким камешкам скромно течет маленькая Уперта мимо степных сел и деревень. Только в селе Ивлеве, где какой-то хитрый мельник загородил скромную речку упрямой плотиной, она, задумавшись немного, взяла да и разлилась в целое озеро посреди самого села. Сюда-то и любили садиться дикие гуси, совершая свои весенние и осенние перелеты, а нам с Семен Семенычем про то давно было известно, и, когда в сентябре месяце потянулись гуси на юг, мы решили во что бы то ни стало добыть этих красивых строгих птиц.

Уже не первый год старались мы с Семеном Семенычем преуспеть в этом деле, но до сего времени удачи у нас не было — очень уж строги были эти серые птицы. Подползали мы к ним и на поле, когда они кормились на жнивье. Караулили мы их у воды в том самом месте, где они обыкновенно пролетали и спускались; ночью при луне, поставив темный парус, пробовали мы подплывать к гусям на лодке. Нет! Гуси были недосыгаемы; а между тем Семен Семеныч обла-

дал известным своею дальнотойностью чудовищным ружьем, которое местные охотники даже прозвали «дирижаблем».

Дикие гуси — умные птицы; иной раз, смотришь — в поле какой-нибудь пастух без всякой хитрости пройдет чуть не рядом с кормящимися гусями, и они его подпускают, потому что уверены в нем: пастух без ружья. А ну, попробуйте-ка подойти к ним с ружьем... Не подползете ни за что!..

Случай помог нам найти выход. На той стороне городского пруда высилось громадное старое здание — разваливающийся дворец, в котором некогда жили графы-помещики. Графы исчезли, но после них на чердаке старинного дома остался всякий никому не нужный хлам. Как-то раз мы с Семеном Семенычем забрались на чердак. Обследование чердака дало блестящие результаты. В старой подвесной лампе мы нашли около пяти килограммов прекрасной крупной дробы. Когда же мы собрались уже покинуть мрачный чердак, Семен Семеныч меня окликнул:

— Владим Сергеев, гляньте-ка... ну и кастрюля!..

У стены стоял странный предмет: лохань не лохань, кастрюля не кастрюля... Что-то вроде таза, но только громадных размеров и без ручки. Странная штука имела метр в диаметре и была окрашена в ярко-зеленый цвет.

— Неужели графья в этой посуде варенье варили? — удивился мой приятель.

— Не должно быть... вещь жестяная... опять же покрашена...

— Что за причина?... Белье, что ли, в ней стирали?

— И это не должно... Детей графских купали, — догадался я.

— Вона что — детей!.. До чего только буржуазия не додумается... в кастрюле детей купать!.. Да нешто какой ребенок позволить себя в такую пакость пхать?... Вы подумайте...

— А почему бы и нет? Сначала нянька ему в рот конфетку положит, а там в тепленькой водичке и купает... Одно удовольствие... Впрочем теперь вспомнил... Кто-то рассказывал мне, что эту штуку граф из Англии привез, а называется она по-английски «тэб».

— Специальная вещь, — проговорил Семен Семеныч, похлопывая тэб по пыльному днищу.

Он долго и внимательно рассматривал его со всех сторон.

— Владим Сергев, а что если нам этот самый «тэб» приспособить насчет гусей?

— Как же это так?.. Да что вы, Семен Семеныч!..

— Очень просто... Теперь с гусятиной будем. Это уже официально.

— Все-таки не понимаю, что вы хотите сделать с этой штукой...

— А вот что: эта самая «тэпа» вещь зеленая...

— Ну?

— Мы спустим ее на воду, наложим по краям осоки, камышей, разных веток... аккуратно получится натуральная вещь на манер островка... Поняли?

Семен Семеныч широко улыбался.

— Что же, вы хотите вместо лодки засесть с ружьем в эту штуку и плыть к гусям?

— Совершенно официально...

— Да разве она выдержит?.. Ко дну пойдет!..

— Ни в коем разе... Давайте испробуем...

Мысль моего друга мне понравилась. На самом деле: ведь гуси прекрасно знают, что такое лодка, замаскировать которую невозможно. Графская же лохань, загримированная под камышевый островок, надует любых гусей, лишь бы она выдержала тяжесть человека.

Через пять минут мы спускали диковинное судно на воды городского пруда. Наша посудина оказалась без течи. Покачиваясь на волнах, штука выглядела совсем не плохо. Мы продвинули ее на мелкое место, а Семен Семенович из предосторожности разделся и, оставив лишь одни очки, сел в «тэб».

О чудо! Кастрюля выдержала тяжесть моего друга. Правда, она почти вся погрузилась в воду, и теперь ее борта торчали из воды всего лишь сантиметров на пять, но именно благодаря этому явилась возможность замаскировать ее окончательно.

Вслед за Семен Семенычем испробовал кастрюлю и я. После получасового плавания я вполне убедился в гениальной изобретательности моего приятеля. Все же практическое плавание показало нам, что в кастрюле можно было сидеть лишь в центре ее и не иначе как по-турецки: всякое неосторожное движение грозило катастрофой; но ведь в конце концов без риска невозможен успех ни в одном предприятии.

Способ передвижения был несколько неудобен: приходилось отпихиваться тонкой и длинной жердью, что было бы неудобным в случае охоты на гусей. Мой друг и здесь нашел выход: быстро сбегал он домой за зонтиком своей жены, и при помощи ветра и зонта наша посудина оказалась в состоянии итти не только по ветру, но даже и лавировать в боковом направлении.

Мы по очереди плавали по городскому пруду целый день, изучая морскую технику. Городские зеваки заметили нас. По городу с быстротой молнии распространился слух о том, что на городском пруду происходят чудеса и люди плавают в кастрюлях под зонтиками.

К вечеру весь город собрался на берегу пруда, дивясь и любуясь на смельчака, который, чорт его знает на чем, носился по пруду под зонтиком, развивая по временам порядочную скорость. На самом деле, когда ветер крепчал, за «тэбом» оставался длинный бурлящий водный след наподобие того, который оставляет на воде пароход трансатлантической компании.

Особенно волновались местные охотники. Узнав меня и Семена Семеныча, они нагрузили собою две лодки и неотступно следовали за кастрюлей, приветствуя и ободряя громкими возгласами ее очередного пассажира.

В толпе на берегу нашлись фотографы, которые навек запечатлели гениальную выдумку Семена Семеновича. Последний однако не терял своего достоинства. Сохраняя полную невозмутимость и хладнокровие, он гордо вспенивал волны городского пруда, не обращая

ни малейшего внимания на ликовавшую толпу зрителей.

Сделав лихой поворот фордевинд, Семен Семеныч пришвартовался к плотине, и мы выволокли свое судно на сушу. Толпа горожан тотчас же обступила нас. Постовой милиционер в корректной форме попросил толпу не напирать и заявил нам, чтобы мы впредь не нарушали своими поступками общественного спокой-

ствия. Он любезно предложил нам избрать какой-либо другой бассейн для нашей морской практики. Впрочем уста этого добросовестного блюстителя порядка говорили несколько строго и пожалуй резковато, зато в глазах его светилось полное сочувствие нашей идее.

Подобно двум героям понесли мы свой «тэб» по улицам города, провожаемые изрядной толпой сочувствующих граждан.

Придя домой, мы принялись обсуждать и продумывать дальнейшее усовершенствование «тэба».

Предполагалось, что при помощи бечевки, обмотанной вокруг бортов «тэба», мы прикрепим к нему целую изгородь из высокого тростника. Слабым пунктом всей затеи являлся зонтик, который мог испугать подозрительных гусей и помешать стрелку видеть впереди себя. Подумав немного, Семен Семеныч разрешил и эту дилемму, решив выкрасить зонт в зеленый цвет и привязать к нему осоку и ветки. Он предложил вырезать в материи зонта две дырки, одну над другой, с тем расчетом, чтобы в нижнюю дыру просунуть ствол ружья, а целиться в верхнюю. Таким образом гусиная проблема разрешалась блестяще.

На следующий день погода сильно испортилась. Подул западный ветер, принесший с собой дождевые тучи. Зонт Семена Семеныча, выкрашенный накануне, подсох за ночь окончательно, и мы двинулись в путь к селу Ивлеву, рассчитывая в тот же вечер применить свое новое изобретение для охоты на диких гусей.

До Ивлева предстояло пройти километров десять. Дождь лил как из ведра, но мы, накрывшись сверху «тэбом», шли, не ощущая никакой сырости.

Встречные лошади при виде нас в ужасе шарахались в сторону. Впрочем не одни только лошади: встречные люди, и те принимали совершенно обалделый вид при виде чьих-то четырех ног, покрытых сверху одной чудовищной зеленой шляпой.

Владельческий граф! Бывший собственник тэба! Что подумал бы ты, если бы случайно увидел нас сегодня

на этой грязной дороге? А тэб? Фасонистый английский тэб... продукт фантазии изнеженной буржуазии! Тэб... фасонистый английский тэб из Лондона! Куда идешь ты теперь по грязному осеннему проселку? Чьи головы спасаешь ты теперь от потоков дождя? Скажи мне, фасонистый тэб, думалось ли тебе с твоим прежним хозяином, графом, что настанут дни, когда ты будешь носить по волнам рек, озер, морей и океанов смелых и закаленных охотников, выслеживающих диких гусей?

* * *

Рассуждая таким образом, дошли мы наконец до села Ивлева. К вечеру небо прояснилось, и заходящее сентябрьское солнышко заиграло на поверхности Ивлевского озера. На самой его середине сидела стая диких гусей, только что прилетевших с кормежки.

Мы подошли к воде с тем расчетом, чтобы ветер оказался нам попутным, и принялись маскировать свое судно перед его спуском на воду.

Вокруг нас столпилась небольшая кучка любопытных крестьян, которые сильно заинтересовались предстоящей охотой. Местный учитель Памвин появился откуда-то с биноклем. Он занял позицию на холмике и как с батарейного наблюдательного пункта доносил нам оттуда:

— Двадцать девять, тридцать... тридцать два гуся... дикие... под берегом...

Тэб был готов. На одном из его бортов удалось приладить нечто вроде подставки для тяжелого «дирижабля».

Мы бросили жребий, кому в первую очередь плыть. Жребий пал на Семена Семеныча.

С суровой молчаливостью принялся он заряжать «дирижабль», забив его максимальным зарядом. Удары шомпола торжественно звучали в тишине. Медный пистон был водворен на свое место, все было проверено и осмотрено, и Семен Семеныч по-турецки уселся в тэб.

— Пошел! — коротко скомандовал он.

Я отпихнул круглую штуку от берега... Но тут выяснилось, что мы немного не рассчитали: увесистый ствол «дирижабля», просунутый в дырку зеленого зонта, сильно перетягивал. Тэб зачерпнул немного воды. Дабы сохранить равновесие, Семену Семенычу пришлось пересест на самый зад.

— Пошел! — вторично скомандовал Семен Семеныч.

Вот он уже в тридцати шагах от берега. Затея гениальна! Теперь тэб совершенно неотличим от обыкновенного тростникового островка. Точь-в-точь такие же островочки торчат из воды и там и сям, по всему озеру.

Семен Семенович держит прямо на гусей. Ветер ослаб, и тэб медленно подвигается вперед. Однако в этой медлительности несомненный залог успеха, ибо предательский зеленый островок подойдет к птицам постепенно и незаметно.

Толпа на берегу смолкла. В большом волнении следили мы за начавшейся охотой, не отрывая глаз от тэба. Учитель Памвин на холме, с биноклем у глаз, застыл подобно статуе; он весь ушел в созерцание. Семен Семеныч подходил к стае... Вот он уже на расстоянии выстрела своего дальнобойного ружья... Хитрит Семен Семеныч... Выдержка изумительная... хочет подойти еще ближе... наверняка. Гуси его совершенно не замечают и как ни в чем не бывало охорашиваются на воде.

Но что это? Предательский зеленый островок внезапно окутывается густым облаком белого дыма: «дирижабль» заговорил...

Бу-ух!.. — раскатывается страшная детонация. В густой стае невероятный переполох... Выстрел редкостный, чудовищный по своим результатам... Но где же островок?.. Он за дымом?.. Но дыма больше нет... на воде одни убитые гуси.

Коршуном налетел я на учителя Памвина и выхватил у него из рук бинокль...

То, что я увидел, заставило взъерошиться мои волосы под фуражкой!..

На гладкой поверхности озера плавало с десятков убитых гусей, и посреди них одиноко торчал из воды конец длинного ствола «дирижабля»...

Тонкая струйка белого дыма еще выходила из его пасти. Немного далее плавал зеленый зонт.

Семена Семеновича не было. Призма бинокля тщетно искала его. Он и его изобретение были поглощены волнами... Не выдержал фасонистый английский тэб чудовищной отдачи «дирижабля».

Бинокль выпал из моих рук. Мы ринулись всей толпой в холодную воду.

ГЛАВА II

Случается нередко нам
и труд и мудрость видеть там,
где стоит только догадаться
за дело просто взяться.

Крылов.

Не скоро восстановилось здоровье Семена Семеновича после этой памятной гусиной охоты, едва не стоившей ему жизни. Не мало труда и хлопот приложил наш добрый доктор Никитский, чтобы вылечить и поставить на ноги моего друга, пережившего кроме простуды еще и тяжелое нервное потрясение.

Так или иначе, Семен Семенович не погиб. Погиб лишь дирижабль, знаменитый, несравнимый, никем не превзойденный дирижабль, который был затоптан в ил в момент спасения моего друга.

Эта утрата была столь тяжела для моего друга, что я даже и передать вам не могу. Семен Семенович как будто и совсем поправился, однако после пережитого с ним по временам делалось что-то странное. Он жаловался, что у него «в левом боку овца жует»... А то неизвестно почему в его животе вдруг появилось ка-

кое-то граммофонное урчание. Короче, затосковал Семен Семеныч.

Доктор Никитский очень советовал мне постараться так или иначе развлечь больного. Симпатичный врач был убежден, что новые яркие впечатления в конце концов рассеят угнетенное состояние Семена Семеныча. Я, конечно, задумал развлечь друга охотой, полагая, что никакое другое занятие не даст ему такого количества ярких переживаний.

Я даже приобрел для Семена Семеныча совсем неплохенькую централочку, которая, однако, по сравнению с покойным дирижаблем казалась ему лишь жалкой игрушкой, и Семен Семеныч называл ее фы-калкой.

Несмотря на все мои увещания и уговоры, Семен Семеныч за всю зиму лишь два-три раза выходил на охоту, а когда однажды, в следующую же весну, мы с ним охотились на Шадиловом пруду, и Семен Семеныч выстрельнул из нового ружья по утке с расстояния в девяносто шагов, ружье «не взяло», утка улетела, а мой друг до того расстроился, что тут же решительно заявил мне:

— Нет, Владимир Сергев, как хотите, а с такими ружьями не охота, а официальная порча характера. Без дирижабля я все равно что без рук. Без дирижабля я вроде как не существую... Эх, Владимир Сергев, весь аппетит к жизни у меня пропадать начинает, и охочусь-то я без всякого аппетита. Скучно без дирижабля. Скучно без его милого грома. Достанем его со дна озера.

— Друг мой, да в своем ли вы уме? — отвечал я. — Чтобы извлечь дирижабль из недр Ивлевского озера, вам, пожалуй, придется выписывать морских водолазов. Дешевле будет заказать тульским мастерам новое ружье на фасон дирижабля.

— Владимир Сергев, такого ружья теперь нипочем не сработают. Покойный дирижабль — старинное ружье, и делал его знаменитый турецкий мастер. Больших

денег, говорят, это ружье стоило. Дирижабль надо достать!..

— Сумасшедший, как же вы его достанете?.. Пустое вы говорите.

Семен Семеныч глубоко вздохнул и крепко задумался.

* * *

Настало лето. Я с грустью смазал свою централку и запрятал ее в пыльный чехол, чтобы вытащить ее оттуда лишь накануне первого августа, когда наступит открытие летнего сезона охоты...

В последнее время я редко встречался с Семеном Семенычем. Откровенно говоря, я немного дулся на него за его новую дружбу с одним недостойным человеком, а именно — нашим городским мастером по заливке галош Колькой Хлюпниковым. Правда, Хлюпников в совершенстве чинил резиновую обувь наших горожан, однако, он был несомненный плут, и я был с ним в натянутых отношениях после того, как он нахальнейшим образом дважды содрал с меня за одну и ту же починку жениных бот, получив и с меня и с моей жены. Обиднее всего было то, что Семен Семеныч знал об этом некрасивом поступке калошного мастера и, тем не менее, он завел теперь с ним самые приятельские отношения, что и побудило меня реже бывать у Боченкиных.

Недели три я ничего не слышал о Семене Семеныче, как вдруг, дня за два до первого августа, ко мне прибежала четырехлетняя дочурка моего друга со следующей запиской:

«Вл. Сер. бросайте все. Жду вас на гор. пру. возле школы II. есть срочн. дело. С. Б.»

Судя по всему, мой друг очень торопился, составляя это письмо. Никогда еще не получал я от него подобных посланий. Ясно было, что дело серьезное и неотложное, и я, побросав все дела, поспешил на призыв.

У небольшого заливчика я увидел вытащенную на

берег собственную лодку Семена Семеныча. Мой друг сидел в ней и с деловитым видом прибывал к скамье какой-то деревянный вал на подставках. Эта лодка была в свое время сколочена руками Семена Семеныча из «подручного материала». На ее постройку пошли дощечки из-под каких-то ящиков, старый забор и даже ржавое кровельное железо. Когда-то Семен Семеныч мечтал установить на этой лодке двигатель собственного изобретения. По сему случаю мой друг даже назвал свою лодку «Самоторкой». Затея с двигателями почему-то не удалась, но громкое название «Самоторка» так и осталось за этим странным судном.

— Здравствуйте, Семен Семеныч, — окликнул я своего приятеля. — Что за чертовщину приколачиваете вы к Самоторке? Неужели опять какой-нибудь двигатель?

— Двигатель, не двигатель, а так... вроде Володи.

Семен Семеныч был очень весел. Давно уже не видел я его таким.

— Ну, Владим Сергев, за дело...

Мой друг быстро выскочил из Самоторки и подбежал к ракитовому кусту, росшему рядом. Семен Семеныч вытащил из-под него рогожу, в которой было что-то завернуто. Он подтащил кулек к моим ногам и вытряхнул на землю его содержимое.

Прежде всего мне бросился в глаза большой детский резиновый мяч. Я вспомнил, что видел эту игрушку в руках старшей дочери моего друга. Мяч был обыкновенный полосатый, синий с красным. Далее я заметил два самых обыкновенных кирпича. Меня поразило то, что к каждому из них почему-то было привязано по одной старой сандали. Тут же валялся велосипедный насос, длинная резиновая трубка и обыкновенная лопата.

Пока я с любопытством разглядывал эти предметы, Семен Семеныч успел быстро раздеться.

— Семен Семеныч, я жду от вас объяснений. Признаться, я недоумеваю...

— Ежели все объяснить, — пожалуй, долгая история будет... Сами сейчас смекнете, в чем штука.

Семен Семеныч уверенно взял в руки резиновый мячик своей дочурки. Тут я заметил, что к нему был приделан обрывок старой резиновой автомобильной камеры большого размера. Мой друг поднял мяч над головой и с усилием просунул голову в широкий отрезок автокамеры. Я вздрогнул: из полосатого мячика на меня неожиданно выглянули хитрые глаза моего друга. Чуть прищурившись, эти глаза смотрели на меня через два круглых стеклышка, искусно вставленных в тонкие стенки мячика. Шея Семен Семеныча оказалась заключенной в отрезок автокамеры.

— Семен Семеныч, что все это значит?

Семен Семеныч не отвечал. Быстрым движением он туго обматывал вокруг своей шеи, поверх камеры, длинный и широкий клеенчатый бинт и затянул его шнурком.

— Семен Семеныч, опомнитесь, вы с ума сошли!..

Мой друг не обращал на меня ни малейшего внимания. Он уселся на траву и проворно обулся в старые сандалии с привязанными к ним тяжелыми кирпичами. Тут я не на шутку перепугался, решив, что имею дело с умалишенным.

— Семен Семеныч, чорт вас возьми, — закричал я не своим голосом, — бросьте дурака валять, иначе я сейчас от вас убегу!..

— Владим Сергев, не будьте дитёй, — глухо прозвучал из полосатого мячика голос моего друга. — Берите насос и накачивайте помаленьку.

Семен Семеныч сунул мне в руки велосипедный насос, а сам смело устремился в воду, неуклюже шлепая кирпичами, привязанными к его старым сандалиям.

— Ну, качайте же, качайте, вам говорят! — доносился до меня сдавленный и нетерпеливый голос.

Я заметил, что от велосипедного насоса шла длинная резиновая трубка. Конец ее уходил в самый мячик, надетый на голову Семена Семеныча. Я машинально

принялся качать и с ужасом заметил, что Семен Семеныч вдруг исчез под водой. На том месте, где нырнула его полосатая голова, теперь тихонько булькали пузыри.

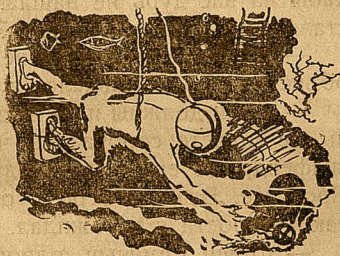

Прошла жуткая минута... Семен Семеныч не показывался. Лишь маленькие пузырьки попрежнему побулькивали в зеленой воде. Прошла еще минута. Моего друга не было... Это было свыше моих сил. Меня охватил страх...

— Что я делаю? — спросил я себя. — Мой сумасшедший друг погибает, а я, как дурак, качаю дурацким насосом! Надо что-нибудь предпринять, пока еще не поздно.

Я выронил из рук насос и с полминуты был в нерешительности, что предпринять для спасения своего друга. Самому ли броситься в пруд, позвать ли на помощь людей или воспользоваться Самоторкой? Я решил броситься в воду и постараться вытащить утонувшего. Я быстро скинул с себя ботинки и только было приготовился ринуться в пруд, как из воды вдруг показалась круглая полосатая голова. Она глухо и с угрозированной проговорила:

— Вадим Сергев, где ваша совесть? Так-то на вас можно положиться!.. Вас просят дело делать, а вы лишаете воздуха ваших друзей.

Я стоял, как громом пораженный, а мой друг, выйдя на берег, принялся снимать с своей головы полосатый

мячик. Когда я снова увидел симпатичное лицо Семена Семеныча и убедился, что он жив и здоров, дар слова вернулся ко мне.

— Друг мой, — сдержанно спросил я его. — Собственно говоря, как надо мне понимать ваше поведение?.. Что означают все эти ваши фокусы?

— Скафендр, — ответил Семен Семеныч, пожимая плечами и отдуваясь.

— Скафендр? — в недоумении переспросил я.

— Ну да, официальнейший скафендр... Неужели вы такой серый человек и не знаете, что такое скафендр? Пора бы знать, что скафендр — это водолазный костюмчик.

— Пустяки — костюмчик! А, смею опросить, на чорта он вам нужен?

— Эх, Владим Сергев, да вы, я вижу, просто дитё... А дирижабль?... Как достану я его со дна Ивлевского озера без скафендра? Дурак я, что ли, чтобы терять свое знаменитейшее ружье. Владим Сергев, да ведь вы сами меня насчет этого дела весной надоумили. Вы сами сказали, что дирижабль иначе не найти, как только выписав сюда морских водолазов... Ну, а я сообразил: зачем водолазов выписывать? Сами с усами!.. Сегодня я первый опыт делал, и, доложу вам, скафендр работает на ять — лучше не надо... И все бы хорошо было, кабы на вас дурь не нашла. Ну, к чему это вы перестали мне воздух подавать? Шутка это разве?..

— Семен Семеныч, но ведь вы же мне ни звука не объяснили, — оправдался я.

— Сами должны понимать, вы не маленький. Ужели вы не можете сообразить, что раз на человеке надет скафендр, то ему надо воздух для дыхания подавать. Простите, Владим Сергев, от кого другого, а от вас такой серости я не ожидал.

— Семен Семеныч, одного не понимаю: ведь если все время накачивать мячик велосипедным насосом, так ведь в конце концов мячик должен лопнуть от напора воздуха...

— Очень просто, что и лопнет, если не сделать вот этого...

Семен Семеныч поднес ко мне мячик. В верхней его части было несколько еле заметных дырочек. Через них уходил сжатый воздух. Он препятствовал воде просачиваться внутрь. Вот отчего булькали пузыри, когда я работал велосипедным насосом.

Мой друг хорошо обдумал все детали. Оказывается, он даже приобрел в аптеке электрический фонарик, дабы освещать им глубины озера. Крышка фонарика была плотно залита воском, и таким образом внутренность фонарика была предохранена от сырости. Семен Семеныч рассказал мне, что в последнее время много читал про водолазов и вырезал все газетные заметки, посвященные работам японских водолазов по поднятию сокровищ с затонувшего английского корабля «Черный принц». По примеру японцев, Семен Семеныч упражнял свое дыхание, чтобы умело пользоваться им при подводных работах. Вот почему он в последнее время навещал старого доктора Никитского. Что же касается до дружбы Семена Семеныча с Колькой Хлюпниковым, то эта дружба была вызвана необходимостью приспособить детский мяч для водолазных целей. Мастер по заливке галош Колька Хлюпников перекроил детский мячик на водолазный фасон и залил его тем самым средством, какое употреблял для заливки галош граждан нашего города.

Предвидя все случайности, Семен Семеныч оборудовал свою Самоторку под водолазное судно. К корме Самоторки была приделана веревочная лестница, снабженная грузилом. По этой лестнице водолаз мог опуститься на дно озера и подниматься со дна в Самоторку. В случае какого-либо несчастья я должен был втянуть водолаза наверх при помощи веревочных вожжей, привязанных у него под мышками. Для облегчения такого подъема, Семен Семеныч устроил на Самоторке ворот с массивной коленчатой ручкой и маховым колесом.

Семен Семеныч выработал оригинальную сигнализацию и тут же заставил меня выучить наизусть все сигналы. На борту Самоторки находился звонок, снятый с будильника. От звонка шла длинная бечевка, конец которой был прикреплен к поясу водолаза. Дергая за эту бечевку, водолаз давал звонки.

Один звонок означал: «качай насосом шибче».

Два звонка — «качай легче».

Три звонка — «несчастье, наматывай ворот».

Четыре звонка — «подай лопату» (назначение лопатки — откопать из вязкого ила тяжелый дирижабль).

Когда эта сигнализация была мною в совершенстве усвоена, Семен Семеныч объявил:

— Я думаю, Владим Сергев, мы можем приступить к спасению моего дирижабля.

* * *

Первого августа денек выдался на редкость хороший. Самоторка Семена Семеныча, бережно уложенная нами на подводу, рано утром прибыла на Ивлевское озеро в полной сохранности. Семен Семеныч выехал из дому с полной тайнственностью. Он еще накануне поручил мне мешок с водолажными принадлежностями. Семен Семеныч скрывал от жены свою затею. После гибели дирижабля, во время которой чуть было не погиб сам Семен Семеныч, Матрена Андреевна поклялась, что больше не допустит своего Сеню до воды и ее клятва не очень устраивала моего друга.

Так или иначе, но первого августа мы все же вырвались из-под надзора гражданки Боченкиной и прибыли к озеру счастливые и полные радужных надежд.

Самоторка была спущена; скафандр проверен. Мы отдали якорь на том самом месте, где прошлой осенью так неожиданно разыгралась страшная драма с дирижаблем... Памятно было нам это место!

Семен Семеныч облекся по-водолажному с поразительной быстротой и тотчас же скользянул в воду. Он торопился.

Лето было дождливое, и уровень Ивлевского озера в этом году был много выше прошлогоднего. Семен Семенычу было не только «с головкой», но даже «с ручками».

Прошло минут пятнадцать. За все это время будильник Самоторки лишь только раз попросил меня подкачать немного воздуха. Других приказаний я не получал. Вскоре по легким толчкам в корме Самоторки я понял, что Семен Семеныч лезет обратно.

«С дирижаблем или без дирижабля?»—загадывал я.

Вот показалась полосатая голова, показались руки — дирижабля не было.

Семен Семеныч грустно поник полосатым мячиком и красноречиво развел руками.

— Ничего, Семен Семеныч, не унывайте. Попробуем поискать немного пониже. Быть может весенним паводком дирижабль слегка отнесло от этого места.

Семен Семеныч протанцовал какой-то невероятный танец, чтобы согреться, и снова погрузился на дно. На этот раз мы отплыли шагов на двадцать ниже. Не прошло и трех минут, как звон будильника известил меня, что мой друг наткнулся на находку. Семен Семеныч требовал лопату. Я опустил ее через борт на бечевке. Минут через пять я услышал три резких звонка — сигнал бедствия. Я поспешно заработал воротом... Странный предмет показался из недр Ивлевского озера — какое-то ржавое металлическое колесо. Я вцепился в него руками и с усилием втянул в Самоторку... заржавевший военный пулемет! Через секунду появился Семен Семеныч с заступом в руке.

— Поздравляю, Семен Семеныч! Как видно, ваш дирижабль за зиму успел сделать карьеру. Теперь он превратился в форменный пулемет. От души поздравляю вас.

— Владим Сергев, теперь не до смеха. Эта фыкалка попала сюда не иначе, как с гражданской войны. Ее придется сдать в увоенкомат... А теперь вертанемся на старое место. Я попробую там лопатой все дно пе-

рековырять и я не буду я, коли свой дирижабль не выковыряю!..

Мы безуспешно проработали больше половины дня. Как ни раскапывал Семен Семеныч своим заступом дно Ивлевского озера, — дирижабля нигде не было.

Через несколько часов работы мой друг совсем ослаб и дрожал, как осиновый лист. Тем не менее он никак не хотел сдаваться и с упорством настаивал на продолжении поисков... И вот, когда он в десятый раз опустился на дно, я вдруг увидел, что по озеру плывет лодка. В ней сидел сторож Ивлевского вол-исполкома Михайла Защипкин. Я сразу узнал его по его рыжей бороде и издали приветствовал его.

— А где же Семен Семеныч? — спросил он, подплывая ко мне.

— Он здесь, недалеко, — уклончиво отвечал я ему, украдкой работая насосом. — Он тебе нужен?

— Да... дельце есть одно небольшое. Меня наш председатель к нему послал. Давеча мы видали, как вы тут на лодке катались и рыбу ловили. Председатель мне и говорит: «Михайла, садись в лодку и отвези гражданину Боченкину его ружье...»

— Какое ружье? — с удивлением переспросил я Михайлу.

— Да то самое ружье, которое Семен Семеныч тут осенью затопил.

От неожиданности я чуть не опрокинул Самоторку вверх дном.

— Как оно к вам попало? — воскликнул я.

— А тогда же, осенью, вскоре после вас... Ванька Бушаров достал. Он страсть до чего охотник нырять. Первый у нас парень... Всего раз или два нырнул и мигом ваше ружье достал...

— Михайло, драгоценный человек, давай сюда скорее ружье!

— Извольте... Ну, а я поеду... у меня еще дела есть. Будьте здоровы.

Михайло передал мне знаменитую уточницу моего друга и, повернув свою плоскодонку, быстро поплыл к берегу.

Я был в восторге и тотчас же хотел посредством ворота вытянуть на вожжах Семен Семеныча, чтобы поскорее обрадовать его... Но тут мне пришла в голову забавная мысль устроить другу приятный сюрприз.

С нами были наши ружья и припасы. В сумке Семена Семеныча я нашел шомпольные пистоны. Я быстро зарядил дирижабль тройным зарядом. Покончив с этой несложной операцией, я скоренько запрятал дирижабль на дно Самоторки и прикрыл его сверху рогожным кульком.

Не успел я покончить с этим делом, как со дна озера вылез посиневший от холода Семен Семеныч. Устало снял он с себя скафендр и в изнеможении грустный опустился на скамейку.

— Ну, как, Семен Семеныч, не везет вам сегодня?

Семен Семеныч безмолвствовал.

— Вот что, друг мой, — продолжал я, — одевайтесь поскорее... Вы иззябли окончательно. Надевайте мое пальто... Так... Ну, а теперь закусим и выпьем по рюмочке.

Семен Семеныч не возражал. Он был вял и апатичен.

— Семен Семеныч, а ведь утки так и летают!.. Давайте саданем по ним разочек... Ну, что вы какой сегодня скучный?.. Вообразите себе, что у вас в руках ваш славный дирижабль. Эх на воде сидит утка — пальните в нее.

Семен Семеныч безнадежно махнул рукой.

— Итак, Семен Семеныч, у вас в руках ваш дирижабль, поняли?... Смотрите, смотрите: целая стая летит. Берите дирижабль и стреляйте!

На нас налетела небольшая стайка чирков. Быстрым движением вытащил я дирижабль из-под рогожи, взвел курок и всунул уточницу в руки своего друга.

— Стреляйте, стреляйте!.. В ваших руках настоящий дирижабль, даю вам честное слово!!!

Я был в азарте и говорил с убеждением и редким воодушевлением. И что же... Мой друг машинально вставил дирижабль в плечо, приложился... и так саданул в угон по улетающей стае, будто тысяча чертей рывкнули разом...

Это был замечательно эффектный и мастерский выстрел. Чирята градом посыпались с неба. Вся стайка целиком была поражена на-смерть, и ни один чирочек не трепыхнулся. Да, это был чудный выстрел. Дирижабль снова заговорил.

— Владим Сергев... Владим Сергев, неужели это он?.. — счастливо лепетал мой друг, разглядывая свое сокровище. На ресницах Семена Семеныча навернулась слеза.

В двух словах рассказал я ему про все то, что случилось во время его последнего погружения.

— Эх, Семен Семеныч, выходит, что вы только зря мучили себя. На чорта теперь нужен ваш водолазный костюмчик!

— Владим Сергев, не будьте серы. Не говоря уже про пулемет, сколько пользы вообще может принести скафендр! Неужели вы откажетесь поработать со мной для научных подводных исследований?

— Семен Семеныч, вам я никогда в жизни ни в чем не откажу!...

Чернопегая в Урмунах

— Эй, охотники! Собака охотничья вам не требуется? — окликнул нас с Семеном Семенычем Михайла Защипкин, когда мы проходили мимо его избы.

— Спасибо, и своими псами довольны, — отвечал я Михайле. — А откуда у тебя собака?

— В лесу пристала и вот уж третий месяц, как у меня живет. Зайцев знаменито гоняет. Обождите, я вам ее сейчас покажу.

Михайла поспешно скрылся во дворе.

— Скажите, Семен Семеныч, к вам, как к председателю союза охотников, не поступило ли заявление насчет пропажи гончей собаки?

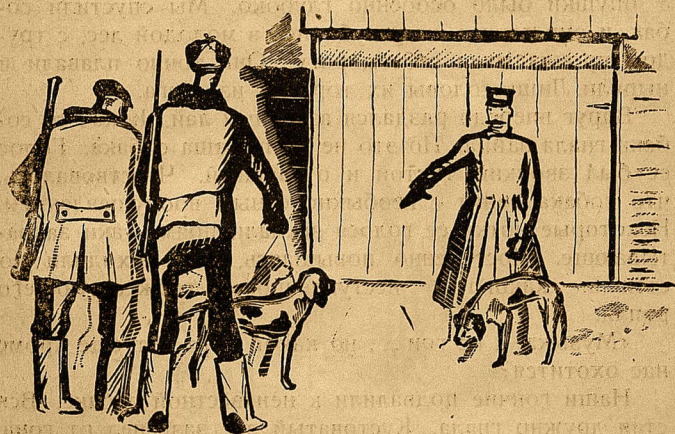
— Никаких заявлений не было, но личности всех гончих собак в нашем уезде мне хорошо известны. Я сразу узнаю, чья собака к Михайле пристала.

В это время во дворе раздался отчаянный собачий вопль, и в ту же минуту перед нами предстал Михайла. Он вел на веревке большую пеструю собаку и энергично подпихивал ее сзади коленкой.

При виде этого пса мы с Семеном Семенычем невольно расхохотались, а наши гончие — Рыдало, Докука и двое Докукиных детей, поджарых молодых выжлецов — разом метнулись на сворках, взъерошили шерсть и вызывающе подняли хвосты.

— Эй, Михайла! Ну, не совестно ли тебе такую дрянь показывать? Да твоей собаке жить осталось не более суток. На нее страшно смотреть.

Собака Михайлы действительно своей окраской походила на гончую англо-русской породы, но что за печальный вид был у нее! Более изнуренного пса мне еще никогда не приходилось видеть. Это был скелет, обтянутый кожей, через которую легко можно было пересчитать все ребра и позвонки. Собака подгибала зад, болезненно горбила спину и, как мне показалось, шаталась на ногах от слабости. К тому же она прыгала на трех ногах, подогнув четвертую больную.

— Пойдем, Владим Сергев, — сказал мне Семен Семеныч. — День короткий. Нынче много не нагоняемся. Прощай, Михайла. Убери подальше свою собачью холеру. Она и заряда дрови не стоит!

— Эй, охотники! — крикнул Михайла нам вслед. — Обождите! Зря вы собаку хаите. Вы сначала испробуйте, как она гоняет, а потом уж ругайте. Я дело вам говорю: это знаменитая собака!...

Семен Семеныч махнул рукой.

Мы вышли из села. Наши добрые псы, завидя на бугре чернеющий лес, заметно натянули сворки. Их

брало нетерпение скорей начать охоту. Я, например, знал, что во всем СССР не нашлось бы выжловки, равной моей Докуке, а мой друг был такого же мнения о своем Рыдале. Что же касается детей Рыдалы и Докуки, то все охотники в округе знали, какие это примерные и отчаянные дети, способные на все. Да, это была почтенная семейка: и папенька, и маменька, и сыночки... Все четыре — что надо!

Мы сошли с дороги и пошли к лесу. Снега было много. Собаки по шею проваливались в рыхлом снегу. У опушки было особенно глубоко. Мы спустили собак, и они тотчас же углубились в молодой лес, с трудом прокладывая себе дорогу. Они точно плавали и ныряли. Лишь головы их торчали из снега.

Вдруг впереди раздался азартный лай. Какая-то собака гнала зайца. Но это не была наша собака. Голос ее был звонкий, густой и отчаянный. Чувствовалось, что собака гонит с необыкновенным воодушевлением. Некоторые нотки ее голоса звучали прямо-таки захватывающе. Постепенно повышаясь, они доходили до степени какого-то исступленного торжествующего вопля.

«Музыка, а не гон... но какой чорт тут еще кроме нас охотится?»

Наши гончие подвалили к неизвестной собаке. Вся стая дружно гнала. Кустоватый лес зазвенел от гона, а голос неизвестной собаки выделялся из всей стаи по своей силе и красоте. Заяц, повидимому, заворачивал на опушку. Спотыкаясь и обгоняя друг друга, мы поспешили туда и прибыли на опушку в тот самый момент, когда юркий ушастый русачишка выскочил на чистое поле и пулей понесся нам навстречу.

Коротко щелкнули в морозном воздухе наши ружья. Зайчишка высоко подпрыгнул вверх и мертвый шлепнулся в снег. Мы подошли к русаку. Собачьи голоса приближались. Вскоре близко затрещали голые ветки, и на гонном заячьем следу показалась голова неизвестной нам гончей собаки.

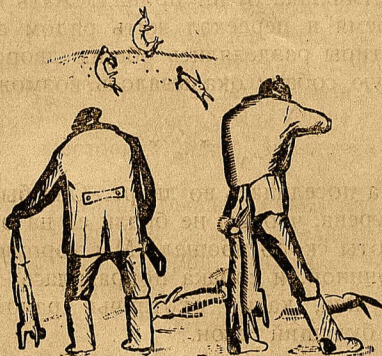

— Семен Семеныч, посмотрите: да ведь это собака Михайлы!

— Не может быть!..

— Факт!

Сомнений не было. Захлебываясь от страсти, извиваясь всем своим телом, проваливаясь на каждом скачке в глубоком снегу, неслась тощая, как скелет, собака. Вся засыпанная снегом, она теперь точно преобразилась. Карие глаза ее были на выкате. Она шла в каком-то экстазе, но увидя убитого русака и поняв, что трагедия кончена, собака сразу притихла и

остановилась в сгорбленной позе, поджав окровавленную больную лапу.

Мы смотрели на пеструю суку и глазам своим не верили. Как могла она, еле живая на вид, побитая, хромая и изнуренная до последней степени, гонять с таким огненным темпераментом в этих непролазных сугробах?

— И откуда только это в ней берется? Смотреть ведь не на что, чистая собачья смерть! Ну и сердце же у этой пестрой твари!

Тем временем пестрая тварь снова скрылась в кустах. Не прошло и трех минут, как она снова заголосила, увлекая за собой наших псов.

Что это был за незабываемый день! Мы гоняли одного зайца за другим без перерыва. Всем гоном руководила пестрая сука, и ее искусство затмило мастерство Докуки и Рыдалы.

Мы сознались друг другу, что она лучше наших хваленых собак, а между тем охотники никогда не признаются в подобных вещах. Было бы преступлением упустить такую работницу, и мы тут же решили купить ее у Михайлы. Сделка состоялась в тот же вечер. Семен Семеныч назвал собаку Амляшкой. Никто из нас не хотел уступать собаки другому, а потому мы решили, что Амляшка будет принадлежать нам обоим.

В то время я переехал жить рядом с Семенычем. Наши квартиры разделялись общим двором, а потому иметь общую собаку оказывалось возможным и даже удобным.

Амляшка поселилась во дворе. Она была так истерзана и изнурена, что мы не брали ее на охоту. Кстати и сезон охоты скоро прошел. Мы хорошо кормили ее вареной кониной, и собака поправилась. Мы уважали ее, предвкушая, какие охотничьи радости доставит она нам на будущий сезон.

Наступила весна. Семен Семеныч, как председатель местного уотделения союза охотников, получил из нашего центра официальное уведомление о том, что через две недели состоится губернская выставка собак. Всем уездам предлагалось прислать на выставку свои экспонаты. Мы долго рассуждали с Семеном Семенычем по этому поводу и соображали, чей пес в нашем уезде наиболее породист. Во время этой беседы я случайно подошел к окну и увидел Амляшку.

— Амляшка! — крикнул я.

Собака лениво встала, потянулась и, зевнув, приветливо замахала хвостом. За два месяца она стала неузнаваемой. Никогда я не смотрел на нее раньше с точки зрения ее породистости. Видя ее изо дня

в день, я слишком пригляделся к ней. Теперь я стал разбирать ее недостатки и внезапно обнаружил, что таковых у нее нет. Амляшка вдруг показалась мне очень красивой. Бросилась в глаза прекрасная большая голова, огненный взгляд, прекрасные ребра, грудь, мышцы, идеально посаженный хвост, безупречные лапы и какая-то особая, чисто зверовая повадка. Собака была безупречна. Мало того, я вдруг понял, что передо мною стоит редкий по красоте экземпляр суки англо-русской породы.

— Семен Семеныч! подойдите сюда. Посмотрите: вот кого мы с вами представим на выставку!

— Да будет вам, Владим Сергев!.. А впрочем...

Мы вышли во двор и подвергли Амляшку подробнейшему осмотру. В тот же день Семен Семеныч написал в центр, что от нашего уезда будет представлена на губернскую выставку гончая выжловка англо-русской породы.

Губернская выставка была обставлена очень торжественно. К открытию собралось великое множество народа. Из Москвы были приглашены судьи-эксперты. Был отпечатан каталог выставки. Этот каталог просто жутко было читать. Там черным по белому было написано:

№ 32. Англо-русская выжловка Амляха
(чернопегая в румянах).

Происхождение неизвестное. Владелец
С. Боченкин и В. Хвощ.

Приятно было прочесть свои имена, напечатанные в красивой серенькой книжечке. Волновало странное и официальное выражение: «чернопегая в румянах».

— Чернопегая в румянах! — говорил Семеныч, задумчиво глядя на Амляшку. — Эх, как загнул!.. Владим Сергев, а ну, как нас засмеют за нашу чернопегость?..

Дальнейшее чтение каталога взволновало нас еще больше. Всех гончих выставлялось до восьмидесяти штук. На все это количество предназначалось только

два приза. Один за лучшего выжлеца и один за лучшую выжловку.

Восемьдесят гончих!.. И среди них знаменитая англо-русская выжловка «Валторна», взявшая на все-союзной выставке собак золотую медаль и приз. Всех медалёров выставлялось пять штук. Мы отыскиали их. Отыскиали и Валторну. Это была гордая нарядная сука, сознававшая свою солидность. Оказывается, она помещалась рядом с Амляхой. Множество любопытных останавливалось перед Валторной. Все восхищались ее статьями. Никто не смотрел на Амляшку. Она уютно свернулась калачиком, и в этой ее скромной позе трудно было разобрать ее качества. Лишь один дряхлый старичек, с наружностью бывалого охотника, подошел к Амляшке и долго на нее смотрел.

— Ай, что за выжловочка, — сказал он наконец, — очень, очень интересная!

Это был единственный посетитель, обративший внимание на Амляшку.

Настал день экспертизы гончих. Их разделили по породам и вызывали по очереди.

Вокруг ринга столпилась сотенная толпа зрителей. По приказанию московского эксперта владельцы со своими суками начали ходить кругом ринга. Видя себя окруженной незнакомыми суками, Амляшка щетинила шерсть и чорт знает что стала выделять белым хвостом. Она напоминала разъяренную тигрицу, и Семен Семеныч еле удерживал ее.

Судья долго молчал, глядя на прогуливающих сук пронзительными, хищными глазами. Затем ткнул пальцем по направлению к Амляшке и скомандовал: «стой!»

«Сейчас нас прогонят», мелькнуло у меня в голове.

Но нет. Нас и не думали выгонять. Судья по очереди стал вызывать на середину круга собак одну за другой. Здесь он подробно осматривал каждую часть тела и что-то записывал в свою книжечку с таким торжественным видом, будто совершал величайший государственный акт.

STREET SCENE
A busy street scene with people walking and a dog.

(REPRODUCED FROM THE
ARTIST'S EDITION)

Последней вызвали Амляшку. Неужели она была хуже всех? Долго смотрел на нее судья и, наконец, произнес:

— Валторна, встаньте рядом с номером тридцать вторым.

Хозяин Валторны вывел свою суку на середину и поставил ее рядом с Амляшкой. Собачий судья принялся кружить вокруг Валторны и Амляшки. Он смотрел на них спереди, сзади и сбоку. Наконец эксперт остановился, и лицо его приняло торжественное выражение. В толпе зрителей настала гробовая тишина. Я слышал, как в моей груди быстро затикало сердце. Хозяин Валторны вдруг побледнел, как полотно. Что переживал он? Что переживали мы?.. Что переживали наши собаки?..

Наконец судья произнес бесстрастным голосом:

— Номер тридцать второй — лучше всех.

Мы с Семеном Семенычем еле заметно переглянулись, но фасона своего не потеряли, несмотря на бурю внезапно охвативших нас чувств.

— Позвольте! — запротестовал хозяин Валторны. — Моя сука имеет золотую медаль на всесоюзной выставке. Это дочь знаменитых Докучая и Доборки! На каком основании вы даете предпочтение какой-то темной собаке, происхождение которой совершенно неизвестно? Это возмутительно!.. Я протестую!..

Московский судья равнодушно пожал плечами и холодно проговорил:

— Можете протестовать сколько угодно. Вопрос исчерпан: номер тридцать второй — лучший.

Гром аплодисментов потряс здание выставки, а владелец Валторны поспешно увел свою суку, весь красный от негодования.

Вечером нам торжественно вручили первый приз — серебряный охотничий рог и красивый диплом «на присуждение золотой медали гончей выловке англо-русской породы Амляхе (черно-пегой в румянах)».

Через два дня наши городские охотники, извещенные телеграммой, устроили нам с Амляхой торжественную встречу на станции.

* * *

Стояла глубокая осень. Первый снежок чуть посыпал грязную землю. Мы конечно охотились. С нашими гончими получилась какая-то ерунда: они одновременно подняли лисицу и зайца. Амляшка пошла по лисьему следу, а прочие псы увязались за зайцем.

Лисичку подстрелить интереснее, нежели зайца, и мы с Семеном Семенычем, разумеется, принялись подстаивать лису. Охота завела нас чорт знает куда — к самому Щадилову пруду. Мы заняли позиции, укрывшись в пожелтевших камышах, и внимательно вглядывались в густую заросль ивняка впереди нас. Оттуда раздавался страстный голос Амляшки. О, как бесподобно гнала она в этот день.

Вдруг позади меня чуть слышно хрустнул тонкий лед на пруду. Я оглянулся и вздрогнул: сзади нас появилась лиса. Она обманула нас. Осторожно сошла она на замерзший пруд. Лед еще не окреп, и лиса ступала по нему с крайней осторожностью. Она тихонько кралась, словно ползла по тонкому льду. От меня до лисы было далеко. Семен Семеныч со своего места мог бы стрелять, но он не оглядывался и не видел лисы. Я старался гипнотизировать его, чтобы он обернулся, но гипноз мой не действовал, а между тем лиса удалялась.

«Эх, была не была! — подумал я. — Авось мое ружьишко достанет!»

Я прицелился и выпалил по лисе. Дробь не сделала ей вреда, но выстрел шибко напугал ее. Она подпрыгнула, мотнула хвостом и, забыв со страху всякую предосторожность, что было духу пустилась по льду, вытянувшись в огненную ленточку.

Не выдержал тонкий лед отчаянных скачков лисы. Он треснул под ней на самой середине пруда,

и лиса вдруг провалилась в воду. Она барахталась, пыталась выбраться на лед, но ее передние лапы неизменно обламывали край льда, лишь только она на него упиралась. Хоть лиса и была вне выстрела, но песенка ее теперь была спета. От нас она никуда не могла уйти. Семен Семеныч побежал по правому берегу, а я по левому. Лиса видела нас и не знала, куда ей выбираться. Это было редкое и интересное зрелище.

— Владим Сергев! Забегайте к дозинам! Пугайте лису на меня!

— Смотрите, Семен Семеныч, не промахнитесь!

— Не сомневайтесь, Владим Сергев. Не смажем! Это уж официально!

В это-то время появилась Амляшка. Громко взывала чернопегая в румянах и сразмаха вскочила на лед всеми четырьмя лапами. Два-три прыжка, и лед с треском обломился под ней. Аевзирая ни на что, отчаянная собака устремилась к лисе, ломая грудью лед. Лиса окончательно обалдела, завидя себя в таком окружении. Она бешено закружилась в воде. Амляшка быстро приближалась к ней и через минуту в студеной воде завязалась отчаянная смертельная борьба. Собака и зверь вцепились друг в друга. Вокруг них поднялся фонтан ледяных брызг. Какая это была захватывающая и волнующая картина! Амляха пыталась схватить своего врага за горло, но вода всякий раз попадала ей в раскрытую пасть и собака захлебывалась. Амляшка старалась подмять под себя лисицу и утопить ее, но лиса была чертовски проворна и изворотлива. Она мужественно защищалась. Так длилось с полчаса... Полчаса в студеной воде, среди плавающих льдин — каково это! Наконец оба противника исчезли под водой. Судя по бурлившей воде, они и там продолжали борьбу, захлебываясь от воды. Это была жуткая минута... Казалось, что обе погибли. Но вот из воды показалась румяная голова Амляшки. Она победила! Возле нее всплыло мертвое рыжее тело матерой лисы.

Несравненная Амляшка! Ни одна собака никогда еще не заставляла своих хозяев переживать столько ярких незабываемых моментов.

— Ура-а! — закричал Семен Семеныч. — Амляха! Амляшечка, Амлянчик!

Собака повернула к берегу. Видно было, что она выбилась из сил. Ломая лед передними лапами, она часто с головой скрывалась под водой. Она устало и тяжело дышала. Все чаще и чаще ныряла она. Все медленнее становились ее отчаянные движения. Она плыла ко мне. Семен Семеныч перебежал на мой берег. Нам хотелось броситься в пруд и помочь своей собаке. Но вот она сделала последнее усилие и достигла берега. Мы наклонились к воде и вытащили Амляшку на сушу. Что за истерзанный вид был у нее! Ее уши были изорваны, губы были в крови. С хрипом повалилась собака на землю. Мы склонились над ней. Вдруг ее пестрое тело вздрогнуло и сделалось неподвижным. Не выдержало собачье сердце—Амляшка была мертва!!!

Мы с Семеном Семенычем печально переглянулись.

— Кончилась чернопегая... знать, отгонялась!..

— Владим Сергев... Как же так?... Что теперь с нами будет? Что нам теперь делать?

Слезы подступали нам к горлу... Амляшка... бесценная, дорогая, Амляшка!..

— Что делать?... Только одно остается: давайте схороним ее. Не оставлять же ее на съедение лисам?... Попросим лопату вон в той избушке возле плотины.

Молча закопали мы Амляшку в черной, еще не промерзшей земле и накидали сверху аккуратненький холмик. Семен Семеныч встал над могилой и, взяв в руки ружье, взвел курки.

— Что вы хотите делать?..

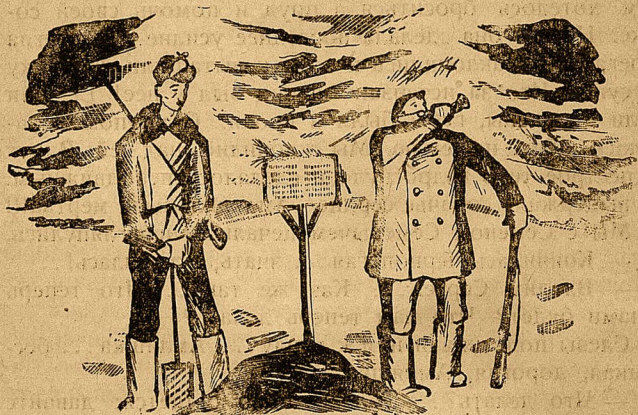
— Салют!.. Уж ежели хоронить, так хоронить по совести.

И он дважды выпалил в воздух. Его примеру последовал и я. Тогда мой друг снял с себя серебряный рог, выигранный когда-то Амляшкой на губернской

выставке, и протяжно в него затрубил. Это был замечательный рог.

На наши выстрелы и на звук рога, откуда ни возьмись, прибежали Рыдало, Докука и Докукины дети. По всей вероятности они поймали своего зайца и теперь отыскивали нас. Они были измучены и тотчас же сели у наших ног вокруг могилы Амляхи. Семен Семенович все еще трубил... и вдруг все четыре собаки задрали свои головы кверху и завыли.

— Эй, твари! Не видеть вам больше Амляшки... не видеть вам вашей подруги!

— Владим Сергев, хорошо бы на могиле какую-нибудь официальность оставить... К примеру сказать, кол с дощечкой, а на дощечке надпись сделать. Пусть охотники, которые тут будут охотиться, прочтут и прочувствуют, какая у нас с вами собака была.

Семен Семенович взял карандаш и, сопя носом, долго что-то писал и перечеркивал. Наконец он прочел следующее:

Чернопегая в румянах
на Шадиловом пруду
задушила официально
матерущую лису.
От усердия скончалась
после лисьего конца.
Погребение состоялось
тут же третьего числа
1926-го года, ноября месяца.
Покойся, Амляшка,
под тенью камышей,
другим будет наука
как ты гнала лисей.

С почтением С. Боченкин и В. Хвощ.

Это стихотворение, написанное от полноты чувств
рукой моего друга, и по сие время красуется над скром-
ной могилкой незабвенной чернопегой Амляшки. Все
наши охотники знают его наизусть.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
Вместо предисловия	3
Бабушка	5
Ловушка с тройной репетицией	18
Дирижабль Семена Семеныча	28
Чернопегая в румянах	50

1900

354

60 =

К

